

ЧТО ТАКОЕ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?*

Я.В. Шрамко

1 Введение

Майкл Даммит, в своей книге «Истоки аналитической философии»¹, предложил общее определение одного из самых влиятельных течений современной философской мысли — *аналитической философии*. Согласно этому определению, «что отличает аналитическую философию, в ее самых разнообразных проявлениях, от других школ — это положение, что, во-первых, философское объяснение (*account*) мышления может быть достигнуто посредством философского объяснения языка и, во-вторых, всестороннее объяснение [мышления] может быть осуществлено только таким образом»². Данное положение Даммит называет «фундаментальной аксиомой аналитической философии»³ и утверждает, что практически все философы, работавшие в русле аналитической традиции так или иначе придерживались этой аксиомы.

Уже сама по себе попытка сформулировать точное и исчерпывающее определение такого чрезвычайно неоднородного явления как ана-

* Я благодарен Майклу Бини, Гансу-Иоганну Глоку и Патрику Бирну за любезно предоставленные экземпляры своих работ, которые оказались очень полезны при написании данной статьи.

¹ Dummett M. *Origins of Analytical Philosophy*. — London: Duckworth, 1993.

² Dummett M. *Op. cit.* — P. 4. Это определение восходит к другой, более ранней работе Даммита — статье «Может ли и должна аналитическая философия быть систематической?» (см.: Dummett M. *Can analytical philosophy be systematic and ought it to be? // Truth and Other Enigmas*. — Cambridge: Harvard University Press, 1978. — P. 441).

³ Dummett M. *Op. cit.* — P. 128.

литическая философия, представляет значительный интерес. Тем более, если эта попытка предпринимается одним из ведущих и активно работающих философов-аналитиков. Поэтому неудивительно, что определение Даммита послужило поводом для оживленной дискуссии⁴.

В литературе неоднократно отмечалось, что ответ на вопрос «Что такое аналитическая философия?» связан со значительными трудностями⁵. И хотя то же самое справедливо для любого сколь-нибудь заметного философского направления⁶, приходится признать, что ситуация с аналитической философией выглядит особенно запутанной.

Начать хотя бы с того, что термин «аналитическая философия» вошел в активное употребление сравнительно поздно, чуть ли не через столетие после фактического возникновения самого этого течения как такового. Традиционно принято относить зарождение аналитической философии к 70-м годам XIX века, когда увидели свет первые работы Готлоба Фреге по логике и основаниям математики. Между тем, по наблюдению фон Вригта⁷, само название «аналитическая философия» получило распространение лишь начиная с 50-х годов XX столетия, после выхода книг Артура Папа «Элементы аналитической философии» и «Аналитическая теория познания»⁸. Таким образом, ни сам Фреге, ни Витгенштейн, ни многие другие выдающиеся представители научно-ориентированной философии XX в. никогда не обозначали свои взгляды как «аналитическая философия», что не может не

⁴См., напр: *Monk R. and A. Palmer (eds.) Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy.* — Thoemmes Press, 1996.

⁵См., напр.: *Føllesdal D. Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it?* // Glock H.-J. (ed.) *The Rise of Analytic Philosophy.* — Blackwell Publishers, 1997. — P. 1; *Hacker P.M.S. Analytic philosophy: what, whence, and whither?* // Biletzki A. and A. Matar (eds.) *The Story of Analytic Philosophy.* — London and New York: Routledge, 1998. — P. 4; *von Wright G.H. «Analytische Philosophie» — eine historisch-kritische Betrachtung* // von Wright G.H. *Erkenntnis als Lebensform.* — Wien-Köln-Weimar: Böhlaus Verlag, 1993. — S. 61.

⁶Чтобы в этом убедиться, достаточно спросить себя, располагаем ли мы кратким и в то же время «ясным и четким» ответом на вопрос «Что такое экзистенциализм?» или «Что такое феноменология?»

⁷*von Wright G.H. Op. cit.* — S. 55.

⁸*Pap A. Elements of Analytic Philosophy.* — New Work: Macmillan, 1949; *Pap A. Analytische Erkenntnistheorie.* — Wien: Julius Springer, 1955. Следует заметить, что Пап не был изобретателем этого термина, который можно встретить и в более ранних работах других авторов (см., напр.: *Nagel E. Impressions and appraisals of analytic philosophy in Europe* // *Journal of Philosophy.* — 1936. — v. 33); однако, по видимому, именно Пап придал этому термину то парадигмальное звучание, которое и получило в дальнейшем систематическое распространение.

затруднять проблему их философской идентификации.

Тем не менее, имеется широкий консенсус по вопросу о том, кого именно среди мыслителей XX в. следует причислять к аналитическим философам⁹. Так, кроме Фреге, сюда обычно относят Мура, Рассела и их коллег по Кэмбриджу между двумя мировыми войнами (Уисдом, Стеббинг, Дункан-Джонс), раннего Витгенштейна, ведущих представителей Венского кружка (Шлик, Карнап, Нейрат), Львовско-Варшавской школы (Твардовский, Лукасевич, Тарский), Оксфордской школы языкового анализа (Райл, Остин, Стросон), а также большинство послевоенных американских философов (Куйан, Гудмэн, Дэвидсон, Крипке)¹⁰. Генезис и развитие аналитической философии представлены в целом ряде обзорных работ историко-философского характера¹¹. Нет недостатка и в трудах, посвященных изложению философских взглядов того или иного отдельного мыслителя или же философской концепции той или иной конкретной школы аналитического направления. И все же, несмотря на это, приходится признать, что имеется явный дефицит обобщающих исследований, в которых аналитическая философия рассматривалась бы с концептуальной точки зрения как целостное явление в ее взаимосвязи с основными философскими течениями современности (такими как феноменология или, скажем, неомарксизм). И это притом, что аналитическая философия давно уже достигла той степени зрелости, когда ее специфика в сравнении с другими направлениями современной философии может и должна стать предметом компетентного и полномасштабного теоретического исследования.

Следует иметь в виду, что термин «аналитическая философия», как и почти всякое обобщающее название, вполне может использоваться (и часто действительно используется) в качестве своего рода ярлыка, то есть своеобразного полемического приема (уловки) в спорах между представителями различных философских направлений. К сожалению, не так уж и редко приходится сталкиваться с таким специфическим способом ведения дискуссии и дискредитации точки зрения оппонента как «навешивание ярлыков». Дагфин Фёллесдал дает следующее довольно исчерпывающее описание этого приема¹². Прежде всего, вводится сам ярлык, причем это делается с таким расчетом,

⁹ См.: *Hacker P.M.S.* — Там же.

¹⁰ Данный перечень, конечно же, является далеко не исчерпывающим.

¹¹ См., напр.: *Шрамко Я.* Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // *Логос*. — 2005. — № 2. — С. 4-12.

¹² *Føllesdal D.* Op. cit. — P. 1-2.

чтобы подводимая под него точка зрения достаточно легко опровергалась¹³. Затем этот ярлык огульно применяется к широкой группе философов, и далее критике подвергаются уже не действительные взгляды тех или иных мыслителей, а абстрактная «ярлыковая концепция» сама по себе, без особой оглядки на то, до какой степени реальные взгляды критикуемых философов соответствуют этой воображаемой концепции (и соответствуют ли они ей вообще).

В отечественной философской литературе (прежде всего, учебного характера) роль такого ярлыка давно и с успехом играет «неопозитивизм». Сложилась устойчивая традиция обозначать этим термином любую рационалистическую и научно-ориентированную философскую концепцию XX века. По существу, неопозитивизм истолковывается здесь в недопустимо расширительном смысле, подменяя собой аналитическую философию в целом. Как результат, имеем парадоксальную ситуацию, когда до сих пор во многих наших учебниках¹⁴ стандартным образом в качестве «позитивистов» фигурируют такие мыслители как Фреге, Рассел, Мур, Поппер и многие другие, чьи взгляды не только не укладываются в позитивистские рамки, но явным образом противостоят любым доктринам позитивистского толка¹⁵. Важно учитывать, что подобного рода аберрация имеет не такой уж безобидный характер, поскольку она не только серьезно искажает общую картину развития философии в XX ст., но и значительно затрудняет понимание существа

¹³Фёллесдаль не без иронии замечает, что, иногда даже удается найти какого-нибудь реально существовавшего или существующего философа, взгляды которого, хотя бы приблизительно, подпадают под такую «ярлыковую» точку зрения. Однако, как правило, чем более нелепые положения скрываются за тем или иным ярлыком, тем меньше приводится свидетельств в пользу того, что их на самом деле кто-то разделяет.

¹⁴См. напр.: *Зотов А.Ф.* Современная западная философия. — М.: Высшая школа, 2001; *Філософія.* Підручник для вищої школи / За заг. ред. В.Г.Кременя, М.І.Горлача, Вид. 3-є. — Х.: Прапор, 2004. Часто эта характеристика произвольным образом дополняется различного рода префиксами и определительными словами (типа «нео-», «пост-», «логический» и т. п.), что вносит еще большую путаницу при рассмотрении проблемы по существу.

¹⁵Достаточно напомнить, что для любого рода позитивизма обязательными являются установка на «устранение философии» (в той или иной форме), последовательный эмпиризм в теории познания и индуктивистская методология. Ни одна из этих позиций никогда не разделялась ни Расселом, ни Муром, ни, тем более, Поппером. См. об этом также во вступительной статье А.Ф. Грязнова к книге: *Аналитическая философия: Становление и развитие* (антология). Общая редакция и составление А.Ф. Грязнова. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998 (см. также: *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. — М.: Высшая школа, 2006. — С. 14-15).

рассматриваемых философских концепций. И если в советское время такой упрощенный подход был во многом обусловлен требованиями идеологического характера¹⁶, то его сохранение в наши дни можно объяснить лишь силой инерции и слабым знанием существа дела.

Фёллесдал подчеркивает, что если мы хотим избежать такого рода «дурной ярлыковости», то наши оценки и характеристики философских позиций должны основываться на тщательной (и добросовестной) интерпретации исследуемых концепций¹⁷. Это тем более актуально в отношении аналитической философии, учитывая отмеченные выше многообразие и разнородность этого явления, что делает далеко не тривиальной задачу установления ее концептуального единства. Очень сложно, если это вообще возможно, точно выделить определенную (и достаточно репрезентативную) совокупность конкретных философских положений, которые безоговорочно разделялись бы всеми представителями многочисленных школ и ответвлений аналитической философии. Так, среди аналитических философов, работающих в области теории познания, можно встретить как эмпиристов (Шлик, Карнап), так и рационалистов (Чизолм), в сфере аналитической онтологии ярко выраженные реалистические концепции (Фреге, Рассел, Черч) соседствуют с крайним номинализмом (Гудмен, Куайн), а в аналитической теории сознания проблема соотношения души и тела может решаться как в дуалистическом (Джексон), так и в материалистическом (Райл) духе.

Все же, несмотря на такое разнообразие отдельных философских позиций, вполне можно утверждать, что взглядам большинства философов, обычно относимых к аналитическому направлению, в той или иной степени присущи некоторые общие характерные черты, которые и обеспечивают единство всего движения в целом, хотя единство это следует искать не в концептуальной, а скорее в методологической плоскости. В целом то, что объединяет философов аналитического направления, находит свое выражение, главным образом, в определенном *способе* постановки и рассмотрения философских проблем, а также в специфической исследовательской установке, которая обуславливает характерный для аналитической философии *стиль философствования*, приверженность которому отличает ее представителей от

¹⁶В соответствии с которыми практически любое направление зарубежной философии автоматически должно было квалифицироваться как «буржуазная идеалистическая философия» с обязательным втискиванием в довольно жесткую схему «борьбы материализма с идеализмом на современном этапе».

¹⁷Føllesdal D. — Там же.

последователей других философских течений¹⁸.

В настоящей статье мы обсудим некоторые важные особенности аналитической философии, которые позволяют выделить ее в качестве оригинального самостоятельного направления современной философской мысли.

2 Лингвистический поворот и критика психологизма

Вернемся к определению Даммита и рассмотрим его более подробно. На первый взгляд, это определение имеет тот недостаток, что в своей основе оно опирается на довольно узкое понимание самого предмета философии. Возникает впечатление, что, согласно Даммиту, главной целью¹⁹ любого философского исследования должно быть «всестороннее объяснение мышления», иными словами, если следовать букве этого определения, предметная область философии, по-видимому, оказывается сводимой к *философии сознания*. По крайней мере, именно философия сознания предстает здесь в качестве центральной философской дисциплины.

По мнению Питера Хакера²⁰, такое понимание предмета философии не может не вызывать определенного «беспокойства». В самом деле, имеются самые разнообразные разделы философии, а также целые философские дисциплины, такие как этика, эстетика, философия математики и др., в центре внимания которых находятся такие вопросы как: «В чем смысл жизни?», «Что есть добро?», «Какова природа числа?» и многие другие, которые лишь с большой натяжкой могут быть подведены под общий заголовок «философия сознания» и ответ на которые вряд ли может быть найден на путях «анализа мышления». Как в этой связи замечает Ганс-Йоганн Глок, «мы вполне можем принять, что мышление является одной из важных тем в философии сознания, но почему это должно быть *основной* темой философии в целом?»²¹ Иными словами, если исходить из такого буквального про-

¹⁸Ср.: Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. — 2005. — № 2. — С. 5.

¹⁹Ср.: Dummett M. Can analytical philosophy be systematic and ought it to be? // Truth and Other Enigmas. — Cambridge: Harvard University Press, 1978. — P. 458.

²⁰См.: Hacker P. M. S. Op. cit. — P. 10.

²¹Glock H.-J. Philosophy, Thought and Language // Preston J. (ed.), Thought and Language; Proceedings of the Royal Institute of Philosophy Conference. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — P. 151.

чтения предложенного Даммитом определения, сам собой напрашивается вывод, что в силу заложенного в нем узкого истолкования самого предмета философского исследования это определение может иметь лишь ограниченное применение.

Однако такая — несколько прямолинейная — интерпретация позиции Даммита представляется все же не вполне адекватной. Важно иметь в виду, что Даммит формулирует свое определение в рамках концепции *эпистемологического антиреализма*, крупнейшим современным представителем которого он является. В общем и целом, эпистемологический антиреализм отрицает саму возможность непосредственного познания объектов «внешнего мира» как они существуют «на самом деле». В Новое время эта концепция берет свое начало от «коперниканского переворота» Канта, утверждавшего, что подлинно научная (трансцендентальная) философия должна заниматься «не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов»²². Иными словами, в соответствии с антиреалистской позицией, которую в полной мере разделяет и Даммит²³, всякое философское исследование имеет дело не непосредственно с «объективной реальностью» самой по себе, а с тем, как эта реальность преломляется в сознании. Если рассмотреть определение Даммита под этим углом зрения, то становится достаточно очевидным, что «всестороннее объяснение мышления» интересует его не как некая самоцель и выделяется им не в качестве особого (пусть даже центрального) раздела философии, а истолковывается как единственный философски оправданный способ достижения какого-либо знания вообще. В свою очередь, аналитико-философский подход предполагает, что адекватная экспликация структур мышления возможна только на путях всестороннего *анализа структур языка*.

Таким образом, в качестве важнейшего характерного признака аналитической философии Даммит выделяет особого рода методологическую установку, в соответствии с которой анализ философских проблем может и должен осуществляться, главным образом, посредством анализа языка. Именно язык выступает в роли той универсальной сре-

²² Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. — С. 44.

²³ Даммит, опираясь на достижения современной логики, разработал особую версию антиреализма, названную им «семантическим антиреализмом», которая привлекла внимание многих исследователей и широко обсуждалась (и продолжает обсуждаться) в специальной литературе. Подробнее об эпистемологическом антиреализме и концепции Даммита см., напр.: Шрамко Я. Некоторые проблемы аналитической эпистемологии // Логос. — 2006. — № 1.

ды, благодаря которой (и в которой) получают свое оформление результаты мышления, а значит и результаты познания. Язык есть средство объективации этих результатов — лишь будучи оформленными в языке, они становятся доступными для теоретического рассмотрения. А это означает, что любое философское исследование во многом сводится к изучению и прояснению смысла и значения используемых языковых выражений, а также выразительных средств языка в целом. Со времени выхода одноименного сборника работ под редакцией Ричарда Рорти²⁴ такого рода установку принято обозначать как «лингвистический поворот»²⁵ в современной философии.

Лингвистический поворот не следует истолковывать в том смысле, что центральным разделом аналитической философии оказывается якобы философия языка. Анализ языка выступает здесь, в первую очередь, именно как *средство* объективного анализа философских проблем *по существу*. По мнению Даммита, такой подход впервые был выдвинут и последовательно реализован Фреге в книге «Основания арифметики» (1884), посвященной проблеме определения понятия числа. Начав с постановки вопроса о том, что есть число и какова природа законов арифметики, Фреге приходит к выводу, что единственным способом успешного ответа на этот вопрос является исследование языка математики. В § 62 этой работы Фреге, в частности, пишет: «Каким же образом должно быть нам дано число, если мы не можем иметь о нем никакого представления или созерцания? Только в рамках предложения слова нечто обозначают. Итак, задача будет состоять в том, чтобы прояснить смысл предложения, в которое входит слово, обозначающее число»²⁶. Иначе говоря, если мы хотим получить *понятие* числа, нам необходимо установить смысл языковых выражений (языкового *контекста*), в которых употребляются знаки чисел (цифры)²⁷. То же самое справедливо для любого философского понятия и любой философской проблемы.

Подобный подход характерен для многих школ и течений аналитической философии. Так, члены Венского кружка считали основной задачей философии не столько получение нового знания, сколько про-

²⁴ Rorty R. (Ed.) The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. — Chicago: University of Chicago Press, 1967.

²⁵ Рорти отмечает, что сам данный термин изначально принадлежит Густаву Бергману, который употребляет его в своей книге «Логика и Реальность» (1964).

²⁶ Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik. — Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1988. — S. 71.

²⁷ Для чисел в качестве такого контекста могут выступать, например, математические уравнения.

яснение уже имеющегося знания, которое как раз должно достигаться на путях анализа языка. В этом понимании они существенным образом опирались на некоторые ключевые идеи «Логико-философского трактата» Витгенштейна, в частности, на его положение, что вся философия есть «критика языка» (*ЛФТ*: 4.0031). В самом деле, если целью философии является «логическое прояснение мыслей» (4.112), а мысль есть ничто иное, как «осмысленное предложение» (4), то философия, очевидно, в первую очередь должна заниматься «прояснением предложений» (4.112). Онтологическим основанием для такого вывода служит определенная концепция соотношения языка и действительности, а именно истолкование предложения как особого рода «модели действительности, как мы ее себе мыслим» (4.01). А значит, как замечает Витгенштейн в предисловии к «Трактату», границы мышления по сути определяются границами языка²⁸.

Другой типичный образец философствования в русле лингвистического поворота предоставляют работы Оксфордских аналитиков второй половины XX века — Гилберта Райла, Джона Остина, Питера Стросона и других. Согласно Райлу, большинство философских проблем может быть разрешено посредством выявления и *переформулировки* выражений нашего языка, которые «систематическим образом вводят в заблуждение» (*systematically misleading expressions*), то есть таких выражений, непосредственная синтаксическая или грамматическая форма которых радикально не соответствует тем положениям дел, которые они призваны выражать или описывать²⁹. Как результат такого рода выражения, даже будучи вполне истинными с точки зрения обыденного языка, приводят к ложным следствиям философского характера. Типичным примером здесь служат так называемые «квази-онтологические утверждения» («Бог существует», «Кентавры не существуют»), или «квази-платонистские утверждения» («Непунктуальность предосудительна»), или «квази-дескриптивные и квази-референциальные утверждения» («Пуанкаре не является королем Франции»). Неконтролируемое использование такого рода утверждений в фило-

²⁸ Следует отметить, что многие исследователи связывают лингвистический поворот аналитической философии в первую очередь именно с «Логико-философским трактатом». См., напр.: *Glock H.-J.* Was Wittgenstein an analytic philosopher? // *Metaphilosophy*. — 2004. — 35. — No. 4. — P. 428; *Hacker P.M.S.* Analytic philosophy: what, whence, and whither? // *Biletzki A. and A. Matar (eds.) The Story of Analytic Philosophy*. — London and New York: Routledge, 1998. — P. 19.

²⁹ *Ryle G.* Systematically misleading expressions // *Rorty R. (Ed.) The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. — Chicago: University of Chicago Press, 3^d ed., 1992. — P. 87.

софском дискурсе влечет за собой принятие определенного типа «онтологических обязательств» (Куайн) и приводит к «категориальным ошибкам», в частности, к постулированию различного рода «логических фикций» или «призраков». Для преодоления таких ошибок и заблуждений как раз и необходимы тщательный анализ выражений нашего языка и выявление их подлинной логической формы. Ведь, как в свою очередь отмечает Стросон, хотя философ и не должен ограничиваться всего лишь буквальным описанием языковой практики, тем не менее, «актуальное использование языковых выражений остается единственной и существенной точкой, где происходит его [философа — Я.Ш.] контакт с реальностью, которую он желает понять, реальностью понятий; поскольку только в этой точке мы имеем возможность наблюдать действительный способ оперирования понятиями»³⁰.

Лингвистический поворот аналитической философии тесно связан с ее *антипсихологизмом*, также со всей определенностью обозначенным в работах Фреге, который подверг резкой критике традиционное для многих философов XIX века «психологическое» истолкование предмета логики (как якобы науки о «законах» или «формах» «правильного мышления»). Фреге подчеркивал, что «в логике следует отбрасывать все различия, которые делаются с психологических позиций. А то, что обычно называют психологическим углублением логики, — это не что иное, как психологическая фальсификация»³¹. С этой целью, прежде всего, необходимо отделить (чистую) мысль как таковую от психологического процесса мышления или «думания». Для Фреге мысль есть нечто объективное, особого рода абстрактный (и по своей природе идеальный) объект, который может быть определен как *смысл утвердительно-повествовательного предложения*³²: «Мыслями являются, например, законы природы, математические законы, исторические факты; все они находят свое выражение в утверди-

³⁰ *Strawson P.F.* Analysis, science and metaphysics // Rorty R. (Ed.) Op. cit. — P. 320.

³¹ *Фреге Г.* Логика // Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сб. трудов. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 319. Здесь уместно будет также привести аналогичное утверждение выдающегося представителя Львовско-Варшавской школы Яна Лукасевича: «Неверно, что логика — наука о законах мышления. Исследовать, как мы действительно мыслим или как мы должны мыслить, — не предмет логики. . . . То, что называется «психологизмом» в логике, — признак упадка логики в современной философии» (*Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. — М.: Изд-во Иностранной Литературы, 1959. — С. 48).

³² *Фреге Г.* Op. cit. — S. 309. Ср. это определение с приведенным выше аф. 4 «Логико-философского трактата» Витгенштейна.

тельно-повествовательных предложениях»³³. Этим абстрактным объектам (и только им) может быть приписано истинностное значение, то есть именно мысль выступает в роли *носителя истины*. Понимаемые таким образом мысли и отношения между ними образуют то, что Фреге, а вслед за ним и Карл Поппер называли «третьим миром», то есть сферу *объективного содержания мышления*, которая резко отличается от психических актов отдельных людей, их представлений, восприятий, переживаний и т. п. Философское исследование мышления, о котором шла речь выше, должно осуществляться путем анализа этих объективно существующих идеальных структур, *как они даны нам в языке или посредством языка*. Ну а в качестве основного инструмента такого анализа выступает *логика* как наука о «наиболее общих законах бытия истины»³⁴.

3 Логический и языковой анализ

Обращает на себя внимание, что в предложенном Даммитом определении аналитической философии никак не задействуется одно ключевое понятие, которое, собственно, дало имя всему движению в целом — понятие *анализа*. Даммит здесь говорит просто о «философском объяснении» и «объяснении языка», оставляя по существу открытым вопрос о *методе* такого объяснения. Вообще, нельзя не заметить, что в своей книге, особенно в ее начале, Даммит довольно редко и, можно сказать, неохотно использует сам термин «анализ», предпочитая вместо этого вести речь об «изучении» (*study*), «исследовании» (*enquiry, investigation*) и т. п.³⁵ Вряд ли это случайно, хотя вполне возможно, что для Даммита положение о том, что в аналитической философии именно анализ выступает (или должен выступать) в качестве основного метода философского исследования, является само-собой разумеющимся, чем-то вроде трюизма.

Тем не менее, вопрос о месте и роли анализа в аналитической философии далеко не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Сама по себе вполне очевидная и лежащая на поверхности характеристика аналитической философии как такой, «в которой анализ

³³ Там же.

³⁴ Там же. — S. 307.

³⁵ Однако в предпоследней главе («Мышление и язык») Даммит избирает следующую формулировку для своей «фундаментальной аксиомы аналитической философии»: «Единственный путь к *анализу* мышления ведет через *анализ* языка» (*Dummett M. Op. cit. — P. 128; курсив мой. — Я.Ш.*).

играет центральную роль»³⁶, не будучи дополнена развернутым уточнением — что, собственно говоря, здесь следует понимать под «анализом» — остается не более чем малосодержательной декларацией. Действительно, ограничившись лишь такой предельно обобщенной формулировкой, мы рискуем лишиться аналитическую философию ее специфики, поскольку подчеркнутое и активное использование анализа было присуще большинству (классических) философских учений прошлого, начиная по меньшей мере с Аристотеля, включая метафизику Декарта, монадологию Лейбница, теорию познания Локка и др. Кроме того, категория анализа широко задействуется во многих современных как философских, так и общенаучных направлениях, которые никоим образом не относятся к аналитической философии, например, в теории систем (системный анализ), теоретической лингвистике (анализ дискурса), психоанализе и т. п.

Необходимо также учитывать, что в самой аналитической философии можно встретить множество различных трактовок анализа как особого метода решения философских проблем. Однако, несмотря на это, все же можно выделить ряд особенностей данного метода, которые были характерны именно для аналитико-философской традиции с самого ее зарождения. Прежде всего — это активное применение в качестве эффективного инструмента философского анализа аппарата *современной символической логики*. Здесь имеется в виду в первую очередь классическая логика предикатов первого порядка, разработка которой в пионерских работах Фреге³⁷ знаменовала собой подлинную революцию в логике. Эта новая логическая теория сразу же продемонстрировала свою необычайную плодотворность для анализа основополагающих проблем метафизики и эпистемологии — парадигмальным в этом отношении является, например, фундаментальный труд Уайтхеда и Рассела *Principia Mathematica* (1910–1913), в котором новая логика была представлена в своих основных чертах, которые она сохраняет и поныне. Широкое применение в аналитической философии находят также различные *неклассические логики*, такие как модальная логи-

³⁶ *Beaney M.* Analytic philosophy // Keith Brown (ed.) *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd ed. — Oxford: Elsevier. — 2006. — Vol. 1. — P. 203. См. также: *Hylton P.* Analysis in analytic philosophy // Biletzki A. and A. Matar (eds.) *The Story of Analytic Philosophy*. — London and New York: Routledge, 1998. — P. 37-55; *Monk R.* What is analytic philosophy? // Monk R. and A. Palmer (eds.) *Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy*. — Thoemmes Press, 1996. — P. 1-22.

³⁷ Начиная со знаменитой «Записи в понятиях» (*Begriffsschrift*, 1879). — Русский перевод см. в: *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. Сб. трудов. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 65-142.

ка, временная логика, эпистемическая логика, паранепротиворечивая логика и т. п.

Таким образом, в аналитической философии на передний план выходит *логический анализ*. При этом традиционное редуccionистское истолкование анализа как деления (разложения) той или иной проблемы или понятия — в зависимости от того, что именно подвергается анализу — «на столько частей, сколько потребуется»³⁸, здесь хотя и сохраняется, но играет лишь вспомогательную роль. Логический анализ в рамках аналитической философии в основном представляет собой разновидность так называемого *трансформативного* (или *интерпретационного*) анализа, необходимой предпосылкой которого является выявление адекватной логической формы анализируемой сущности посредством ее «перевода» или трансформации на некоторый подходящий формально-логический язык³⁹. Иными словами, анализ того или иного утверждения, проблемы или понятия осуществляется в ходе определенного рода интерпретации с помощью избранной для этой цели логической системы: «Логический анализ отдельного выражения заключается в конструировании некоторой языковой системы и погружении данного выражения в эту систему»⁴⁰.

Классические образцы логического анализа можно найти в работах Фреге и Рассела. Фреге неоднократно подчеркивал, что обыденный язык является логически несовершенным (неточным), а значит, если при решении философских проблем некритически (буквально) следовать грамматической форме (структуре) языка, неизбежны серьезные ошибки. Логический анализ позволяет избежать такого рода ошибок, благодаря выявлению подлинной логической формы языковых выражений, которая скрывается за их внешней (грамматической) оболочкой. Типичными в этом отношении являются, например, высказывания о числах и существовании.

Согласно Фреге, грамматическая форма утверждений, содержащих числовые характеристики, создает иллюзию приписывания данных характеристик непосредственно тем или иным предметам, что, в свою очередь, приводит к неверному выводу о наличии у предметов свойств,

³⁸ Декарт Р. Рассуждение о методе... // Рене Декарт. Сочинения в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1989. — С. 260.

³⁹ См.: Beaney M. «Analysis», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2003 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/sum2003/entries/analysis/>>.

⁴⁰ Carnap R. Die Methode der logischen Analyse // Actes du huitieme Congres international de philosophie, a Prague 2-7 Septembre 1934. — Prague: Orbis, 1936. — S. 143.

которыми они вовсе не обладают. В действительности утверждения о числах относятся не к самим предметам, а к *понятиям* о предметах, вернее, *объемам понятий*. Например, когда мы говорим «Юпитер имеет 4 спутника», то неверно полагать, что тем самым мы якобы приписываем Юпитеру свойство «иметь 4 спутника». Юпитер обладает такими характеристиками, как масса, цвет, плотность и т. п., число же 4 характеризует вовсе не Юпитер и даже не спутники Юпитера, а объем понятия «спутник Юпитера». То есть данное утверждение следует понимать как «Под понятие „спутник Юпитера“ подпадает 4 предмета», или «Объем понятия „спутник Юпитера“ включает ровно 4 предмета»⁴¹. В выражении «четыре породистых коня» только слово «породистые» представляет свойство самих коней, а слово «четыре», как и в примере с Юпитером, относится к *понятию* «породистый конь», указывая, что под это понятие, в данном случае, подпадает четыре предмета⁴². Такого рода логический анализ позволил Фреге прояснить природу числа и впервые сформулировать (через абстракцию) определение числа как особого второгопорядкового множества, то есть множества всех таких множеств, которые имеют одинаковое количество предметов.

Аналогичным образом обстоит ситуация с высказываниями *о существовании*, которые, по Фреге, также следует рассматривать как выражающие определенное *свойство понятий*, а именно свойство пустоты или непустоты их объемов: «Ведь утверждение существования есть ничто иное, как отрицание ноля (Verneinung der Nullzahl)»⁴³. Дело в том, что если буквально следовать грамматической форме выражений, то придется признать, что, например, в высказывании «Кентавры не существуют» определенного рода объектам, а именно — «кентаврам», приписывается свойство «несуществования». Данный вывод порождает значительные философские трудности, на которые обратил внимание Алексиус Мейнонг⁴⁴ — приписать какое-либо свойство объекту можно только в том случае, если этот объект уже существует, а значит получается, что кентавры каким-то образом одновременно существуют и не существуют. Точно также в онтологическом доказательстве бытия Бога попытка приписать свойство существования не-

⁴¹См.: *Beaney M.* Op. cit.

⁴²*Frege G.* Die Grundlagen der Arithmetik. — Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1988. — S. 64.

⁴³*Там же.*

⁴⁴См.: *Meinong A.* Über Gegenstandstheorie. Selbstdarstellung. — Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1988. — S. 1-51.

посредственно Богу (а не понятию Бога) уже *заранее предполагает* существование соответствующего объекта.

Подход Фреге позволяет избежать нежелательных онтологических обязательств в виде необоснованного постулирования объектов, существование которых отрицается или же находится под вопросом. При таком подходе вышеприведенное высказывание о кентаврах в действительности ничего не говорит о реальных свойствах таких объектов как «кентавры», а истолковывается в смысле «Понятие „кентавр“ является пустым (имеет пустой объем)», а утверждение «Бог существует» не означает ничего большего, как «Понятие „Бог“ является непустым». В свою очередь, это последнее утверждение только еще нуждается в доказательстве, но в любом случае переход от простой констатации существования понятия к заключению о его непустоте логически некорректен. Итак, по словам Фреге, «поскольку существование представляет собой свойство понятия, то онтологическое доказательство бытия Бога не достигает своей цели»⁴⁵. Отметим, что анализ Фреге во многом перекликается с выводами Канта, который также отвергал онтологическое доказательство, на том основании, что существование не может быть свойством «реальных вещей». Однако, в отличие от Канта, который вообще отрицал за существованием статус свойства⁴⁶, Фреге удалось эксплицировать предикат существования как некоторое *свойство второго порядка*, что стало возможным благодаря эффективному применению современной логической техники.

Фреге был первым, кто убедительно показал, каким образом точный логический анализ языка позволяет при исследовании философских проблем преодолеть жесткие ограничения задаваемые поверхностной грамматической формой языковых выражений и предоставляет в наше распоряжение надежные технические средства для выявления их «подлинной» логической формы, позволяя тем самым избежать многих традиционных ошибок и заблуждений. Эта установка, в не меньшей степени чем «лингвистический поворот», может считаться «аксиомой аналитической философии». В этом смысле, как полемически заостренно заметил Рассел, «каждая философская проблема,

⁴⁵ Frege G. — Там же.

⁴⁶ «Ясно, что *бытие* не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. <...> В логическом применении оно есть лишь связка в суждении» (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. — С. 361). С точки зрения современной логики, это утверждение Канта является довольно уязвимым, что не может не подрывать в целом его критику онтологического аргумента.

будучи подвергнута необходимому анализу и прояснению, оказывается либо вообще не философской, либо же, в определенном значении этого слова, логической»⁴⁷.

Это, конечно, не означает, что любое произведение, выходящее из-под пера «подлинно аналитического» философа, обязательно должно быть насыщено логической символикой (хотя широкое использование различного рода символов и формул является одним из внешних признаков значительной части аналитико-философских текстов). Многие признанные классики аналитической философии, такие как Мур, Райл или Остин, вовсе не были профессиональными логиками и избегали затрагивать в своих исследованиях непосредственно логическую проблематику. Тем не менее, эти исследования буквально пронизаны духом анализа, хотя здесь можно наблюдать явный сдвиг интереса от непосредственно логического к собственно понятийному и языковому анализу, что находит свое выражение в повышенном внимании к анализу *языковой практики*, то есть к анализу *употребления* языковых выражений, а не к изучению их внутренней логической структуры самой по себе. Цель анализа, впрочем, остается по существу той же самой — решение философских проблем путем прояснения понятий, то есть посредством «уточнения расплывчатых или не вполне точных понятий»⁴⁸.

В этом отношении представляет интерес концепция *коннективного анализа* Стросона, противопоставляемого им традиционному «редуктивному» анализу. Задача коннективного («связующего» — *connective*) анализа состоит в выявлении структурных и логических взаимосвязей между понятиями в той или иной области нашего языка. Стросон призывает отказаться от понимания анализа только как прояснения «сложных значимых единиц путем сведения их, без остатка, к простым, изолированным элементам значения»⁴⁹. По его мнению, исследователь, как правило, имеет дело не с отдельными понятиями, а с довольно разветвленной понятийной сетью, а значит анализу должна подвергаться в целом «система взаимосвязанных единиц, понятий, так что функция каждой единицы, каждого понятия, может, с философской точки зрения, быть правильно понята только посред-

⁴⁷ *Russell B.* Our Knowledge of the External World. — London and New York: Routledge, 1995. — P. 42.

⁴⁸ *Carnap R.* Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic. — Chicago: University of Chicago Press, 1947. — P. 7-8.

⁴⁹ *Strawson P.F.* Analysis and Metaphysics: An Introduction to Philosophy. — Oxford: Oxford University Press, 1992. — P. 17.

ством схватывания их взаимосвязей с другими единицами и понятиями»⁵⁰.

4 Аналитический стиль постановки и решения философских проблем

В предисловии к своей книге Даммит характеризует аналитическую традицию (наряду с феноменологией) как особый *стиль* в философии⁵¹. Он особо не развивает эту тему, оставляя открытым вопрос об особенностях аналитического философского стиля. Между тем, в литературе неоднократно обращалось внимание на ярко выраженное *стилистическое своеобразие* аналитической философии, рассматриваемое рядом авторов в качестве важнейшего критериального признака, позволяющего сформулировать определение аналитической философии в целом. Так, по мнению А.Ф. Грязнова, «в широком смысле слова аналитическую философию можно трактовать как определенный стиль философского мышления»⁵². На его взгляд, для этого стиля характерны «строгость, точность используемой терминологии, осторожное отношение к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям. Для философов аналитической ориентации сам процесс аргументации важен не менее, чем достигаемый с его помощью результат. При этом аргументированной убедительности идей отдается явное предпочтение перед их эмоциональным воздействием»⁵³.

Таким образом, мы получаем своего рода «стилистическое определение» аналитической философии, в соответствии с которым последнюю отличает, главным образом, стремление к доказательности и ясности⁵⁴. Как замечает Цезаре Козо, это определение предъявляет философу, работающему в аналитическом ключе, строгие методологические требования. Аналитический философ обязан оперировать только ясными и недвусмысленными утверждениями и понятиями, выдвигая для их обоснования точные доводы, по возможности используя

⁵⁰ *Strawson P.F.* Op. cit. — P. 19. О предпосылках такой концепции анализа в истории философии (в частности, в античной философии) см.: *Byrne P.H.* Connective analysis: Aristotle and Strawson // *British Journal for the History of Philosophy.* — 2001. — Vol. 9. — № 3. — P. 405-423.

⁵¹ *Dummett M.* *Origins of Analytical Philosophy.* — London: Duckworth, 1993. — P. ix.

⁵² *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. — М.: Высшая школа, 2006. — С. 13.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: *Glock H.-J.* Was Wittgenstein an analytic philosopher? // *Metaphilosophy.* — 2004. — Vol. 35. — № 4. — P. 432.

при этом, в качестве инструмента, формальную логику; кроме того, научный анализ фундаментальных философских понятий следует предварять их неформальным «до-теоретическим» прояснением⁵⁵.

В данном ключе решает вопрос о специфике аналитической философии и Фёллесдал, когда пишет: «То, что отличает аналитическую философию — это, скорее, особый способ *подхода* к философским проблемам, хотя ... этот подход не следует отождествлять с каким-либо конкретным методом анализа философских понятий»⁵⁶. Суть этого подхода Фёллесдал выражает посредством двух ключевых слов — «аргументация и обоснование» (*argument and justification*). Аналитический философ должен не просто провозглашать те или иные философские положения, но в первую очередь выдвигать четкие доводы (основания) для этих положений, что неизбежно предполагает экспликацию их логических взаимосвязей и испытание на прочность, с точки зрения возможной опровержимости. Именно поэтому, как полагает Фёллесдал, в аналитической философии такое важное место отводится анализу языка: «Языковой анализ необходим, чтобы избежать неопределенностей и неясностей, которые могут быть решающими для обоснованности того или иного рассуждения»⁵⁷.

В качестве иллюстрации, рассмотрим особенности аналитического подхода к такой классической философской проблеме, как проблема истины. Важно иметь в виду, что в аналитической философии первостепенное значение придается процедуре формулировки философских проблем, поскольку от того, как будет поставлена та или иная проблема, непосредственно зависит характер ее решения. Иными словами, проблема прежде всего должна быть четко и ясно сформулирована, желательно в виде точного вопроса, допускающего, в принципе, некоторый прямой ответ. При этом нужно помнить, что всякий «хороший» вопрос неявным образом задает совокупность возможных на него ответов в виде некоторого множества взаимоисключающих альтернатив, во многом определяющих смысл самого вопроса⁵⁸.

Какую же формулировку следует избрать для проблемы истины? Знаменитый вопрос Понтия Пилата — «Что есть истина?», обладая не-

⁵⁵ Cozzo C. What is analytical philosophy? // Egidi R. (ed.) In Search of a New Humanism. — Dordrecht: Kluwer, 1999. — P. 55-63.

⁵⁶ Føllesdal D. Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it? // Glock H.-J. (ed.) The Rise of Analytic Philosophy. — Blackwell Publishers, 1997. — P. 4.

⁵⁷ Føllesdal D. Op. cit. — P. 8.

⁵⁸ См.: Белнан Н., Стилл Т. Логика вопросов и ответов. — М.: Прогресс, 1981. — С. 44.

сомненными литературно-художественными и риторическими достоинствами, несет в себе серьезные затруднения для философского анализа. С одной стороны, этот вопрос вполне адекватно отражает суть проблемы, которая сводится к поиску определения понятия истины. С другой стороны, однако, формулировка Пилата, во-первых, является слишком общей и расплывчатой (неконкретной), а во-вторых, она явно принадлежит к разряду выражений, которые «систематическим образом вводят в заблуждение» (в смысле Райла — см. § 2 данной статьи). Действительно постановка вопроса в таком виде по сути предопределяет его решение в духе платонизма, поскольку она неявно предполагает (постулирует) существование «истины» в виде некоторого абстрактного объекта (или *идеи*). Между тем, как это хорошо известно, онтологический статус универсалий, таких как «справедливость», «красота», «белизна», «истина» и т. п. составляет предмет особой и при этом довольно непростой дискуссии, а значит «квази-платонистская» формулировка проблемы способна лишь осложнить поиск ее решения. Вопрос желательно формулировать максимально нейтральным образом, как с точки зрения категориальной классификации исследуемых понятий, так и в плане возможных «онтологических обязательств». Это, в свою очередь, означает, что понятие истины должно быть десубстантивировано и истолковано просто как некоторое *свойство* наших убеждений.

Такое истолкование предполагает постановку и определенное решение еще одного (вспомогательного) вопроса, а именно — вопроса о *носителе истины*. Какого рода сущностям может быть приписано свойство «быть истинным»? В качестве такой сущности обычно выделяется *высказывание*, более точно — то, что, например, Алонзо Черч называл «высказыванием в абстрактном смысле». Под последним понимается не просто «повествовательное предложение, а смысловое содержание, которое является общим для этого предложения и для его переводов на другие языки — не конкретное суждение или мысль, а, как писал Фреге, объясняя свой термин *Gedanke*, объективное содержание данной мысли, которое может быть общим достоянием многих»⁵⁹.

Итак, проблема истины в целом приобретает следующий вид: в каких случаях то или иное высказывание может быть охарактеризовано как истинное? При каких условиях высказывание является истинным, а при каких — ложным? Иными словами, дать определение истины —

⁵⁹ Church A. Propositions and sentences // The Problem of Universals. — Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1956. — P. 5.

это значит определить выражение « A есть истинное высказывание» для любого A . Эта задача может решаться различными способами в рамках различных концепций истины. Так, в семантической теории истины Альфреда Тарского⁶⁰, каждое интуитивно приемлемое понятие (предикат) истины должно удовлетворять особому условию, известному как «схема Тарского» (Т):

« A » является истинным, если и только если A ,

где A есть некоторое высказывание и « A » — имя этого высказывания⁶¹. Данная схема существенным образом опирается на корреспондентную (классическую) концепцию истины и по существу выражает некоторым точным образом понимание истины как соответствия действительности. Такое уточнение (схематизация) позволило Тарскому, кроме всего прочего, разработать эффективный механизм преодоления антиномии «Лжец», который основывается на строгом разграничении между *объектным языком* и *метаязыком*, образующими два непересекающихся языковых уровня. Разграничение между этими уровнями дает также возможность наполнить корреспондентную теорию истины конкретным содержанием, посредством соответствующей модификации схемы (Т):

A является истинным, если и только если $mt(A)$,

где A есть синтаксическое обозначение некоторого высказывания, а $mt(A)$ — перевод этого высказывания в метаязыке. Используя аппарат классической логики предикатов, Тарскому удалось дать точное определение предиката истины для широкого класса формализованных языков, а также показать, что, если мы имеем дело с так называемыми «семантически замкнутыми» языками (к каковым относятся и большинство естественных языков), такое определение оказывается невозможным.

Мы не будем здесь останавливаться на разнообразных концепциях истины, таких как когерентная, дефляционистская, ревизионистская и др., разрабатываемых различными направлениями аналитической философии. Полагаем, что выше были достаточно наглядно продемонстрированы некоторые важные особенности аналитико-философского

⁶⁰См., напр.: *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология)*. Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 90-129.

⁶¹Хрестоматийный пример схемы (Т) восходящий к самому Тарскому: «*Высказывание „Снег бел“ является истинным, если и только если снег бел*».

стиля исследования философских проблем, в частности, типичная для аналитической философии переформулировка изначально неточной и «смутной» проблемы, в результате чего осуществляется переход к точно сформулированному вопросу, для исследования которого могут быть эффективно применены строгие методы логического и языкового анализа.

В целом стремление к ясности, обоснованности и доказательности философских построений можно считать характерным признаком, выражающим принципиальную ориентацию аналитической философии на идеалы *рациональности* и *научности*. Многие аналитические философы рассматривают себя в качестве продолжателей рационалистической традиции в мировой философии, представленной такими великими именами как Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Лейбниц, Кант; сама же аналитическая философия истолковывается как рационалистическая парадигма философской мысли на современном этапе. В свою очередь, установка на научность вовсе не означает отождествления философии с наукой или распространения на философию методологических стандартов естественных наук. Скорее, речь идет именно об особом научном стиле в философии, который позволяет вести речь об аналитической философии как о подлинно *научной философии*.

Рорти говорит об этом так: «Аналитическую философию можно приблизительно определить как попытку соединить переход от обсуждения опыта к обсуждению языка — то, что Густав Бергман назвал «лингвистическим поворотом» — с очередной попыткой профессионализировать эту дисциплину путем делания ее все более и более научной. Лингвистический поворот присущ всей философии XX века — что очевидно не только у Карнапа, Айера, Остина и Витгенштейна, но и у Хайдеггера, Гадамера, Хабермаса и Деррида. Что отличает аналитическую философию от других философских инициатив XX века, так это идея, что этот поворот вместе с применением символической логики делает возможным, или по крайней мере более простым, превращение философии в научную дисциплину. Возникает надежда, что философы смогут посредством терпеливых и согласованных исследований добавить свои кирпичики в сооружение знания»⁶².

⁶² Rorty R. Analytic philosophy and transformative philosophy, URL = <<http://www.stanford.edu/~rrorty/analytictrans.htm>>.

5 Заключительные замечания. Аналитическая философия и «устранение метафизики»

В данной статье были рассмотрены некоторые характерные черты, которые являются определяющими для аналитической философии как особого течения современной философской мысли. Исходным пунктом нашего рассмотрения послужило определение Майкла Даммита и его критическое обсуждение в ряде работ последнего десятилетия. Подводя некоторые предварительные итоги этого обсуждения, отметим, что хотя определение Даммита в целом довольно точно выражает специфику аналитической философии, оно нуждается в уточнении за счет привлечения некоторых дополнительных признаков. Обобщая, можно утверждать, что для аналитической философии в той или иной степени является обязательным: (1) стремление рассматривать и решать собственно философские проблемы посредством философского анализа языка (лингвистический поворот); (2) активное использование методов и средств современной логики и связь с определенным родом точной философской терминологией, которая должна вводиться логически корректным образом; (3) высокие требования к ясности и четкости аргументации, используемой для обоснования философских положений.

Нужно помнить, что любая попытка определения такого сложного и многогранного явления как аналитическая философия неизбежно будет отмечена значительной долей условности. Как неоднократно отмечалось в литературе, если попробовать сформулировать что-то вроде стандартной дефиниции с жестким набором необходимых и достаточных условий, то в результате придется исключить из числа аналитических философов некоторых мыслителей, которые прочно ассоциируются с этим течением, но в творчестве которых, тем не менее, тот или иной отдельный признак оказывается выражен недостаточно четко. Если же трактовать аналитическую философию как широкое понятие, образованное по принципу «семейного сходства» в смысле Витгенштейна, то трудно избежать обратного эффекта, а именно — трактовки как «аналитических» таких философов, которых вряд ли правомерно сюда относить (например, тех же Аристотеля, Декарта и др.)⁶³. Поэтому, всякую такого рода «таксономическую активность» следует рассматривать не в качестве инструмента проведения раз и

⁶³См., напр.: *Hacker P.M.S. Analytic philosophy: beyond the linguistic turn and back again* // M. Beney (ed.) *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. — London: Routledge, 2006.

навсегда заданных водоразделов и границ, но как повод для дальнейших размышлений, помогающих прояснить исторические корни аналитической философской традиции, ее методологические особенности, а также ее взаимоотношение с другими направлениями современной философии и философскими учениями прошлого⁶⁴.

В завершение затронем еще одну важную тему, без хотя бы краткого обсуждения которой разговор об аналитической философии был бы существенно неполным. Речь идет о знаменитом «преодолении метафизики», которое очень часто рассматривают в качестве еще одного важнейшего признака аналитической философии. Обычно его связывают с деятельностью Венского кружка, более точно — с именем Рудольфа Карнапа и его блестящей статьей «Преодоление метафизики логическим анализом языка»⁶⁵. В этой статье Карнап характеризует предложения традиционной метафизики как «мнимые» или «псевдопредложения» и отстаивает тезис об их полной бессмысленности. В частности, бессмысленными (то есть, ничего не означающими) является подавляющее большинство специфически метафизических терминов, таких как «абсолют», «бытие сущего», «эманация», «субстанция», «Бог» и т. п. Более того, опираясь на осуществленный им логический анализ, а также на принцип верификации как метод установления смысла, Карнап утверждает, что «осмысленных метафизических предложений вообще не может быть»⁶⁶, а значит любые претензии метафизики на какое бы то ни было *знание*, должны быть отброшены. Здесь Карнап не только выражает позицию Венского кружка и раннего Витгенштейна, в соответствии с которой, задачей философии является не открытие новых истин, а прояснение смысла высказываний конкретных наук и обыденного языка, но и продолжает давнюю традицию *критики метафизики*, классические образцы которой можно найти, например, в работах Юма и Канта⁶⁷.

⁶⁴ Glock H.-J. Was Wittgenstein an analytic philosopher? // *Metaphilosophy*. — 2004. — Vol. 35. — № 4. — P. 426.

⁶⁵ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // *Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия*. — 1993. — № 6. — С. 11-26.

⁶⁶ Карнап Р. *Op. cit.* — С. 23.

⁶⁷ По меткому замечанию Виндельбанда, «Кант нанес удар философии, указав на то, что „философское“ (метафизическое) знание о мире — наряду с конкретными науками или над ними — невозможно. После этого собственная область философии как особой науки ограничивается критическим самопознанием разума» (Цит. по: Крафт В. *Венский кружок. Возникновение неопозитивизма* — М.: Идея-Пресс, 2003. — С. 201). Знаменитые же завершающие строки Юмовского «Исследования о человеческом познании» вполне могут быть приняты в качестве общего эпитафия для всего аналитического движения: «Возьмем, например, в руки какую-нибудь

Эта установка на «преодоление метафизики» тесно смыкается с борьбой Мура и Рассела против мистифицирующей философии гегельянского типа, которую они развернули на рубеже XIX–XX вв. Мур критиковал гегельянство с позиций обыденного языка, утверждая, что оно «не в большей степени обосновано, чем предположение, что химера живет на Луне»⁶⁸. Рассел же считал, что «метафизическое вероучение — ошибочный результат, порожденный эмоциями»⁶⁹. Такую позицию ни в коем случае не следует истолковывать в смысле отказа от философии вообще. Под «метафизикой» здесь имеется в виду *спекулятивная философия эзотерического типа*, имеющая форму своего рода «религии и теологии интеллектуалов, посвященных и мудрых»⁷⁰. Гегель обычно рассматривается в качестве классического метафизика в этом смысле. Отношение аналитических философов к «системе и методу» Гегеля в основном совпадает с оценкой Шопенгауэра, которого с явной симпатией цитирует Поппер: «Эти чудовищные нагромождения слов, которые аннулируют друг друга и противоречат друг другу, ввергают ум в самомучительство в тщетных попытках вообще думать о чем-либо в связи с ними до тех пор, пока, в конце концов, они не саморазрушатся от абсолютной пустоты»⁷¹.

В историческом плане критика такого рода «мистической метафизики» послужила одним из источников аналитической философии, однако можно утверждать, что эта «антиспекулятивная» установка сохраняется в ней до сего времени. Если и существует какое-нибудь положение, разделяемое подавляющим большинством представителей самых разных ответвлений аналитической философии, то это — убеждение, что философия сама по себе не может и не должна производить никакого априорного («абсолютного») знания о действительности, а уж тем более претендовать на роль всеобъемлющего учения «о мире в целом» и его «всеобщих законах».

книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: *содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе?* Нет. *Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании?* Нет. Так бросьте ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений».

⁶⁸ Moore G.E. The refutation of idealism // Philosophy in the Twentieth Century. An Anthology. — Vol. 2. — New York: Random House, 1962. — P. 545.

⁶⁹ Рассел Б. Мистицизм и логика // Почему я не христианин. — М.: Изд-во политической литературы, 1987. — С. 44.

⁷⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. — Т. II. — М.: Феникс, 1992. — С. 39.

⁷¹ Цит. по: Там же. — С. 93.